

ПОРТРЕТЫ «НЕЗНАКОМОК»

Марфа Русанова

УДК: 433+1751.

Дамы без камелий.
Письма публичных женщин
Н.А. Добролюбову и
Н.Г. Чернышевскому / сост., науч.
ред., авт. науч. ст. и коммент.
А.В. Вдовин. М.: Высшая Школа
Экономики (ВШЭ), 2022. 238 с.

Portraits of the “Strangers”

Marfa Rusanova

В рецензии анализируется книга А.В. Вдовина «Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому», которая состоит из откомментированных текстов писем публичных женщин конца 1850-х — начала 1860-х гг. и аналитической части, в которой автор предлагает стратегии изучения этих текстов. Книга рассматривается в контексте современных направлений гуманитарного знания; подчеркивается ее содержательная и концептуальная ценность; делаются предположения о возможностях дальнейшего развития проблематики исследования.

Книга «Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» вышла в апреле 2022 г. в серии *Rossica Inedita*. Эта серия представляет ранее не издававшиеся в академическом формате архивные материалы. В подготовке книги принимали участие ученые ИРЛИ РАН, переводчики и другие авторитетные гуманитарии. Книга вышла под редакцией А.В. Вдовина, известного своими работами по русской литературе и критике XIX в. Тема этой книги вырастает из проблематики, намеченной исследователем в монографии «Добролюбов: разночинец между духом и плотью»¹. Под взглядом Вдовина в жизнеописании известного критика обнаруживается примечательная особенность: для построения его биографии чрезвычайно важна разница между мифом об исторической фигуре и скрытой стороной жизни этого реального человека. Затуманенная часть биографии Добролюбова отражена в дневниках, а также в переписке критика с публичными женщинами. Новую книгу «Дамы без камелий» можно было бы рассматривать как продолжение предыдущей работы Вдовина, если бы не принципиальное отличие — новое исследование построено не вокруг образа знаменитой личности, но вокруг неизвестных большой истории лиц.

Итак, главная цель издания — ввести в круг научного обсуждения и читательского внимания письма публичных женщин к Н.А. Добролюбову, а также к Н.Г. Чернышевскому с конца 1850-х гг. до начала 1860-х гг.² Основную часть монографии составляют откомментированные и в некоторых случаях переведенные тексты писем, принадлежащие публичным женщинам — Терезы Грюнвальд, Клеманс, Эмилии Телье. Скрупулезно обработанные тексты не столь объемны и вряд ли, по словам самого Вдовина, могут претендовать на исчерпывающую репрезентацию культурной истории проституции в России³, однако уже само представление подобных материалов российской истории в научном поле уникально (особенно данное не в фрагментарном виде). Комментарии к письмам восстанавливают последовательность событий, отношения между действующими лицами и в некоторых случаях дают представление о реалиях эпохи. Книга снабжена фотографиями писем, фотопортретами их адресатов, мест, где разворачивались описываемые события — это позволяет заинтересовать неподготовленного читателя и в некото-

1. См.: Вдовин А.В. *Добролюбов: разночинец между духом и плотью*. М.: Молодая гвардия, 2017. 304 с.

2. *Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому*. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2022. С. 20–21.

3. Там же. С. 20.

ром смысле погрузить его в вещный мир нескольких исторических сюжетов 1860-х гг.

Подробная культурная история проституции в России еще не написана, хотя существуют обстоятельные работы по этой теме, основанные на официальных документах эпохи⁴, а также на материале художественной литературы⁵. Внимание к эго-документам публичных женщин в большей степени характерно для европейской научной парадигмы (например, изучение писем куртизанок во Франции)⁶. Аналогичный материал отечественной истории в исследовательской традиции почти не представлен. Отметим, однако, что интерес к высказыванию проститутки (а для определенных общественных движений — необходимость подобного внимания) виден уже в дискуссиях о женском вопросе начала XX в. Так, в «Союзе женщин», представляющем одну из ветвей феминистского движения в России, выходит «Письмо проститутки» (1909)⁷, публикация которого вне зависимости от его подлинности весьма симптоматична. В СССР же работы (в т.ч. основанные на социологических данных) рассматривали проституцию как порождение капитализма и не допускали ее анализа при советском строе⁸.

Концептуальной задачей исследования Вдовина стало «проанализировать, хотя бы в первом приближении, повседневную жизнь Т.К. Грюнвальд и Э. Телье, их эмоциональный мир, стратегии саморепрезентации и, насколько возможно, проявления их женской телесности»⁹ (каждому из этих вопросов посвящена отдельная глава первой части). Методологические оптики, на пересечении которых находится, по мнению автора книги, представляемый материал, включают гендерные исследования, историю эмоций и аффектов,

4. Например: Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. *Проституция в Петербурге*. М.: Прогресс-академия, 1994. 288 с.

5. Например: Мельникова Н.Н. *Архетип грешницы в русской литературе конца XIX — начала XX века: дис. ... канд. филол. наук*. М., 2011. 250 с.

6. Несмотря на то, что в данном случае необходимо обращать внимание на социальную иерархию внутри самих сообществ и между ними (сравнение, например, положения проститутки в Европе и в Российской империи предполагает нахождение множества различий), обратим внимание, что во Франции эго-документы такого типа издаются уже в середине XVIII в.: *Ninon de Lenclos. Lettres de Ninon de Lenclos au marquis de Sévigné: avec sa vie*. Amsterdam: chez François Joly, 1767. 348 с.

7. *Письмо проститутки // Союз женщин*. 1909. № 4. С. 9–11.

8. См., например: *Проституция в России: Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР*. / проф. В.М. Броннер, проф. А.И. Елистратов; предисловие В. Броннера. М.: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1927. 108 с.

9. *Дамы без камелий*. С. 20.

историю повседневности. Как мы увидим, одной из ведущих стратегий ученого стала реконструкция эмоционального образа публичной женщины на основе деталей ее быта (истории повседневности). Нам же кажется, что хотя теоретическую ценность книги можно рассматривать в ряду гендерных исследований, истории морали, изучения аффектов и др., однако на большинство этих ракурсов будет накладываться отпечаток специфика исследуемого материала. Например, хронологически близкой по выходу и напрашивающейся для сравнения с «Дамами без камелий» можно считать книгу Г.Н. Ульяновой «Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века»¹⁰, ставшую бестселлером в издательстве НЛО за 2021 год. Это изучение одной из сторон истории гендера привлекло много внимания, как кажется, еще и потому, что развертывает перед читателем историю победителей (в данном случае — победительниц) вне зависимости от того, удачен ли был путь конкретных героинь: сама постановка вопроса предполагает, что женщины в подобных сюжетах могут рассматриваться как самостоятельные и наделенные активной волей субъекты. Перед гуманитариями же, занятыми культурной историей проституции, стоит выбор: можно ли и нужно ли описывать участниц этой индустрии как субъектов? Эту мысль можно проследить, например, в статье авторитетного в этой области антрополога Л.М. Агустин¹¹.

Вдовин, как кажется, пытается удержать баланс между стремлением наделить героинь исторических сюжетов собственным голосом и пониманием ограниченности их субъектности. Так, чтобы отойти от понятий, нагруженных негативными значениями, автор предлагает использовать словосочетание «публичные женщины». Структура книги также отражает стремление если не встать на внутреннюю позицию описываемого субъекта, то поставить его в центр исследования. После объяснения теоретических предпосылок работы следуют изложение биографии Грюнвальд и Телье, воспроизведение (в т.ч. по их текстам) деталей быта, повседневности, анализ телесности, затем делается попытка вскрыть природу аффективного обмена. Показательно, что во втором разделе (письма) читатель слышит только голоса героинь этого исследования: ответы и реакции Чернышевского и Добролюбова даны лишь в первой части книги. Однако здесь все же нет полного ухода от построения исследования вокруг

10. Ульянова Г. *Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века*. М.: НЛО, 2021. 352 с.

11. Agustín L. M. *New Research Directions: The Cultural Study of Commercial Sex // Sexualities*. № 8 (5). P. 618–631.

авторитетной исторической фигуры (и, возможно, этот конфликт на подобном материале не может быть преодолен). Адресаты писем время от времени становятся ядром изучения, ведь именно их поступки, действия, ответные реакции формируют дискурс героинь.

Проблемой становится и то, что автор и читатель часто проваливаются в пустоты: обрывочность биографий, иногда полное отсутствие сведений о продолжительных периодах жизни, запрет на обсуждение телесности в письмах; кроме того, выражения чувств могут соседствовать с этикетными формулами и утаиванием, желанием женщин соответствовать требованиям своего возлюбленного. Можно ли, например, доверять рассказу Грюнвальд о том, что она читает «Колокол», или же это способ привлечь внимание Добролюбова — задается вопросом автор¹². В некоторых случаях эти исторические ребусы решаются сопоставлением известных фактов с помощью обращения ко второму адресату писем — Чернышевскому, по высказываниям которого мы можем сверять маятник переживаний Добролюбова; наконец, в книге история отношений Чернышевского и Грюнвальд сопоставляется с ее отражением в художественном и критическом творчестве писателя.

Сосредоточимся теперь на отдельных главах первой части. В «биографиях» вводятся истории жизни Грюнвальд и Телье, восстановленные иногда по мельчайшим намекам в дневниках Добролюбова. Так, читатель узнает, что судьба Терезы Грюнвальд вполне соотносима с историей Сонечки Мармеладовой¹³. Отметим, что ученый здесь вновь обращается к взгляду Добролюбова. Это уравнивается, однако, анализом текстов Терезы: стиль ее письма, степень знания русского (родной — немецкий) — все это в некоторой степени может подтвердить или опровергнуть представление Добролюбова о ней.

Эти наблюдения вписываются в общий исторический фон: иерархия в публичном доме, способы регулирования проституции государством. Существенно и то, что автор концентрируется на бытовых деталях и выстраивает на их основе общий образ героинь: правила приема клиентов, традиция вымышленных имен в публичном доме, ежедневные занятия (гулянья, шитье), способы заработка, финансовые расходы, нужды и бытовые заботы. Главной трудностью при решении задач такого типа становятся, конечно, не столько пробелы в истории, сколько размытость образов чувствования героев. Характерен приведенный автором отрывок из письма Терезы, в котором та воссоздает взгляд на себя со стороны Добролюбова, но не говорит

12. *Дамы без камелий*. С. 67–68.

13. *Там же*. С. 23–25.

о собственных бытовых или эстетических потребностях: «Теперь если бы ты меня увидел, мой друг, я думаю, ты бы лучше полюбил, потому что я стала больше на себя обращать внимание. Одеваюсь гораздо опрятнее и хожу в чепчике»¹⁴.

«Масочность», стремление удержать внимание адресата и конструирование собственного образа под влиянием его авторитета приводят исследователя к необходимости обратиться к иному взгляду на героинь эго-документов. Речь идет уже о реконструкции всего комплекса отношений со стороны Добролюбова и Чернышевского. Вскрывая некоторые фактические противоречия и как бы разоблачая героев исследования, ученый, например, доказывает, что Добролюбов знал об аборте Грюнвальд — тем самым мы еще раз убеждаемся в двойственности образа критика. Удивительно, но объяснимо, что в отношении героинь эта исследовательская тактика не действует. Материал не дает возможности увидеть более отстраненный взгляд на Грюнвальд — с точки зрения ее современников или ее самой.

В анализе телесности публичных женщин возникает проблема запретов, которые, однако, сами по себе весьма красноречивы. Так, наше представление о телесности в основном обогащается сведениями об истории болезней (как распространенных среди различных социальных слоев, так и специфических для публичных женщин). Как отмечает автор книги, с исторической точки зрения ценным оказывается эго-документ, описывающий аборт, повествование о котором от первого лица мы не встретим в официальных документах эпохи. Подобные эпизоды ценны и тем, что запечатлевают, как считает исследователь, непосредственную эмоциональную реакцию: «Именно в этих строках, наконец, раскрываются сокровенные чувства Грюнвальд: она проецирует на Добролюбова свое нереализованное материнство»¹⁵. Представляется, что этот вывод исследователь делает, опираясь не только на текст письма Терезы, но и на тот психологический образ, который был воссоздан им в предыдущих главах. Так или иначе, этот тезис убедителен, если мы рассматриваем проявления эмоционального состояния в текстах как социальные знаки, а не как отражение искренних чувств, что и предлагает сделать Вдовин в следующей главе.

В разговоре об аффективном обмене исследование вновь сосредотачивается на бытовых деталях, по которым можно восстановить представления об эмоциях (кажется, что в работе не акцентируют-

14. *Дамы без камелий*. С. 44.

15. *Там же*. С. 76.

ся отличия аффекта и эмоции)¹⁶. Проблемы, которые нужно решить ученому, лежат все в той же плоскости: совпадение экономического и аффективного обменов влечет за собой вопрос об искренности слов участников. Если анализ обмена «бытовая услуга — книги» может быть интерпретирован как усложнение аффективных отношений, то фразы «жду на чай» и проч. не открывают для нас сколько-нибудь полный спектр чувств героини. Чтобы выйти за пределы вопроса о подлинности личных чувств, автор предлагает обратиться к аппарату эмоциологии¹⁷, т.е. понимать чувство как социально обусловленное явление. Основными понятиями, на которые опирается исследователь, становятся эмотив и аффективный обмен. Историк и антрополог У. Редди считает, что эмотив (словесное выражение эмоций) влияет на чувства окружающих и формирует их¹⁸. Заметим, однако, что такой подход будет фокусироваться на эксплицированных чувствах, в то время как история эмоций содержит и примеры работы с языками, в которых отсутствуют способы выражения для определенных аффектов и эмоций. Каким бы далеким не казалось такое сопоставление, но мы можем вспомнить работу Я. Плампера об отсутствии у русских солдат Первой мировой войны средств для говорения о страхе¹⁹.

Исследование аффективного обмена также строится на анализе уже упомянутых способов заботы, набора социальных ролей, которыми пользуются участники; изучение лексики (нешаблонные фразы, рассказы о чувствах и мечтах²⁰) помогает выявить эмоциональную тональность, регистр и разницу в свободе проявления чувств участников диалога.

Итак, книга «Дамы без верблюдов. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» для истории проституции в России действительно оказывается тем звеном, которое связывает официальные документы и реальные практики. В этом отношении ее появление вписывается в антропологический поворот гуманитарного знания: обращает читателя к персоналиям и сообществам

16. См. другую точку зрения на различие эмоции и аффекта в определении, которое дает Ф. Николаи: Николаи Ф. История эмоций: три версии // НЛО. 2019. Т. 2. № 156. URL: [link](#) (04.06.2022).

17. Дамы без верблюдов. С. 77–78.

18. См.: Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

19. Plamper J. *Fear: Soldiers and Emotion in Early Twentieth-Century Russian Military Psychology* // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 259–283.

20. Дамы без верблюдов. С. 84.

при помощи личных текстов. С другой стороны, построение исследования сближает его с проблематикой постколониальных работ. Наши замечания о сложности фокусировки на фигурах публичных женщин, размытости их образа чувствования в широком смысле можно свести к своеобразному преломлению темы субалтернов — угнетенных, не имеющих собственного голоса.

Книга несомненно важна введением нового материала, т.к. культурная история проституции в России описана лишь частично, а то, что автор берет за точку отсчета голос публичной женщины, ценно и ново для отечественной гуманитаристики. В то же время думается, что вопрос встраивания полученных результатов в общую картину эмоциональных реакций эпохи стоит очень остро. Автор пишет, что «между протоколами врачебно-полицейского надзора за проституцией и литературным вымыслом пролегал поле крайне фрагментарно сохранившихся личных документов»²¹. Однако, с нашей точки зрения, нехватка информации о чувствах и аффектах в социальных ситуациях, находящихся от нас на исторической дистанции, можно дополнить анализом литературных, музыкальных и визуальных произведений и при этом не подменить историческую достоверность вымыслом. Проведение подобных сопоставлений, на наш взгляд, окажется продуктивным, если при этом будет ставиться вопрос о границах образов чувствования в искусстве и их реализации в жизни²².

Внимательное взглядывание в повседневность и эмоциональное состояние публичной женщины Российской империи XIX в. — как-то и стала эта книга — будет очень интересно гуманитариям разных областей и просто увлеченным историей читателям, однако вопрос о наиболее продуктивном методе и цели изучения этого материала открыт к дальнейшему осмыслению. Так, мы можем почерпнуть довольно много сведений об истории повседневности публичных женщин, не прибегая к анализу их писем. В то же время анализ языка, стиля, не проговариваемых тем приоткрывает перед нами способы возможного чувствования и действительного поведения человека прошлого. Обнаружение их истоков, образцов или, напротив, указание на их уникальность во многом может способствовать пониманию исторического образа публичной женщины в России.

21. *Дамы без камелий*. С. 87.

22. См., например: Зорин А.Л. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX вв.* М.: НЛО, 2016. 568 с.

Марфа Максимовна Русанова
Санкт-Петербургский
государственный университет,
филологический факультет,
магистерская программа
«Русская литература»
rmarfa@bk.ru

Marfa Rusanova
Saint Petersburg State University,
Faculty of Philology,
MA programme in Russian Literature
rmarfa@bk.ru